

Роман Шмараков

Рецензия на: *Иаков Ворагинский. Золотая легенда. Том I* / пер. с лат. И. И. Аникьева, И. В. Кувшинской. М.: Издательство францисканцев, 2017. 527 с.

Наконец у нас есть книга, отсутствие которой в русском переводе было не только постыдно, но и удивительно. Казалось бы, это один из средневековых текстов, что первыми приходят на память, когда думаешь о вещах, привлекательных не только для специалиста, но и «для широкого круга читателей, всех, интересующихся культурой Средневековья», — и тем не менее перед нами факт: до 2017 года не было полного русского перевода «Золотой легенды». Теперь он есть¹.

Издание содержит перевод первых 85 глав «Золотой легенды»; вступительная статья (с. 5–23) дает общие сведения о биографии Иакова Ворагинского и о его знаменитой книге; в комментариях (с. 465–513) дан весьма полезный и детальный обзор агиографической традиции, которая в каждом конкретном случае стоит за повествованием «Золотой легенды». Особо отметим иллюстративный материал — воспроизведенные в цвете миниатюры из рукописи «Золотой легенды», выполненной в Париже между 1270 и 1280 гг. и хранящейся в собрании Библиотеки Хантингтона (США). В общем, это работа редкой добросовестности и качества, и историко-филологического, и полиграфического.

И все-таки — поскольку *nihil est ab omni parte beatum* — несколько замечаний.

© Р. Л. Шмараков, 2017

¹ Уточним, что это перевод, сделанный с латыни: приходится делать подобную оговорку, поскольку почти одновременно вышел русский перевод «Золотой легенды», сделанный с английского перевода.

Во-первых, стихи, написанные гекзаметром и элегиками, часто переведены с версификационными ошибками. Например, в главе 37: «Греет птенцов по ночам, мертвого тела страшится» (с. 229) — оплошность тем более досадная, что устранить ее можно простой перестановкой слов: «страшится мертвого тела». В главе 46 та же ошибка в строке: «Дух устремляется ввысь, власти уж смерть не имеет» (с. 273). В той же главе из шести строк элегического дистиха (с. 273) три (3, 4, 6) с ошибками². В главе 54 первая строка цитаты из «Пасхальной песни» Седулия: «Приснодева Пречистая, Коей воочию впервые» (с. 324), как ее ни читать, гекзаметром не будет³.

Во-вторых, хотелось бы большей систематичности в идентификации библейских цитат. Многие в аппарате пропущены. Например, «Научи нас пути разума» (с. 31) — ср. Ис. 40:14. «Христос, Который есть Солнце правды» (с. 33) — широко используемый образ, восходящий к Книге пророка Малахии (4:2). «...встанут над гробницами от востока солнца до запада» (*ab ortu solis usque ad occasum*) (с. 34) — ср. Пс. 49:1, 112:3, Мал. 1:11. «...когда увидят Судию в Том, Которого пронзили иудеи» (*cum viderunt ipsum esse iudicem, in quem compunxerunt Iudaei*) (с. 36) — ср. пророчество Захарии (Зах. 12:10), цитируемое в Евангелии от Иоанна (*Videbunt in quem transfixerunt, 19:37*). Ответ святого Илария Пиктавийского папе Льву: «Возможно, ты и лев, но не из колена Иудина, и сидишь ты на престоле судьи, но не на престоле Величия» (*et si sis leo, non de tribu Juda, et si iudicans resides, sed non in sede maiestatis*) (с. 145) обыгрывает два новозаветных пассажа (Откр. 5:5, Мф. 19:28). «Это Он, белоснежный и багряный, это Он, не имеющий ни облика, ни красоты» (*hic est ille valde candidus et roseus, hic est ille, qui non habet speciem neque decorem*) (с. 419) — ср. Песн. 5:10, Ис. 53:2. Обращение дьявола к святому Бенедикту: «Маледикт! Маледикт! Проклятый, а не Благословенный! За что ты гонишь

2. В стихах появляются ощутимые неточности перевода. «Многие души святых Христос возносит на небо» (с. 300) — в оригинале: *Corpora sanctorum cum Christo multa resurgunt*, «Многие купно с Христом тела святых воскресают». Ср. Мф. 27:52.

3. В последнее время сложилось обыкновенное переводить стихотворные вставки в средневековых прозаических текстах прозой в столбик, ритмизованной по усмотрению переводчика. Не будем оценивать эту практику; в рецензируемом издании предпринята попытка переводить гекзаметр гекзаметром, а элегический дистих — элегическим дистихом. Строки типа «Приснодева Пречистая, Коей воочию впервые» на фоне ритмизованной прозы выглядели бы вполне приемлемыми, но на фоне правильного гекзаметра они могут быть только одним — версификационными упущениями.

меня?» (Maledicte, Maledicte! non Benedicte, quid me persequeris?) (с. 284) травестирует Деян. 9:4: *Saule Saule quid me persequeris*.

В-третьих, передача (точнее, устранение) стилистических особенностей оригинала.

Во вступительной статье сделано такое примечание: «Одной из особенностей, присущих средневековой житийной литературе, были незатейливые рифмы, связывающие ряд простых предложений или однородные сказуемые. Глагольные рифмы встречаются в текстах Иакова Ворагинского, но сохранить их в переводе, как правило, не удастся, поскольку для современного читателя непривычная простота подобных рифм контрастирует с пафосом рассказа о мученичестве святого» (С. 12). Эта апелляция к читателю представляется нам не только бесплодным, но и морально устаревшим принципом. Если современный читатель (что бы эта абстракция ни значила) хочет находить в книгах лишь себя самого и свои вкусы, следует оставить его наедине с этим заблуждением, а не устранять из стилистики средневекового текста то, что составляет его своеобразие⁴.

Проблема вот в чем. Есть прискорбное обыкновение воспринимать средневековые нарративы как залежи исторических фактов, которые можно оттуда добывать, минуя «риторику» этих текстов. Это воззрение, мягко говоря, наивное и устаревшее, однако для множества переводов оно стало руководящим принципом⁵. Попытка переводить иначе стоит больших трудов. С убранством средневекового латинского текста та же ситуация, что испытал и живо изобразил В. К. Кюхельбекер, переводя Шекспира: «Гораздо труднее переводить то, что в Шекспире не выдержит суда строгой критики (хотя и многое можно бы сказать в оправдание таких мест), нежели то, что в нем истинно превосходно: так, напр., я в одно утро перевел несравненное сновидение Кларенса, а оперная сцена, о которой говорил

4. Эта проблема не нова, ср. известное замечание А. Н. Егунова об «Эфиопике» Гелиодора: «Патетические места своего повествования он украшает риторическими горгиевыми фигурами, например: "...чтобы благородно и свободно их (опасности) преодолеть или беспорочно и мужественно умереть"; или "ничто не может быть для меня столь ужасным, что с ним не стало бы прекрасным". В нашем переводе мы старались их сохранить, хотя отдавали себе отчет, что русской прозе они чужды и производят эффект обратный замыслу греческого романиста (ср. у Достоевского слог капитана Лебядкина: "Вы богиня в древности, а я ничто и догадался о беспредельности")». И тем не менее — «мы старались их сохранить» (Егунов А. Н. «Эфиопика» Гелиодора // Гелиодор. Эфиопика. М., 1965. С. 12.)

5. В связи с одним печальным примером этого рода сошлюсь на свою рецензию: Шмараков Р. Л. Рец. на кн.: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. М.: Русская Панорама, 2012 // Средние века. 2012. №73. С. 420–424.

я вчера, несмотря на то, что — благодаря Аполлона — довольно коротка, у меня еще не совсем кончена. Верх же трудностей Шекспировы *concetti*: выпустить их нельзя — без них Шекспир не Шекспир, а между тем тут иногда бьешься над одним словом час, два и более»⁶. В самом деле, когда пытаешься найти русский эквивалент словесным играм вроде *vitiis — divitiis* или *camerarii non temerarii*, поневоле задаешься вопросом, стоит ли результат затраченного времени. Невозможно сохранить эти прелести слога во всех случаях: для важных утрат есть примечания, где переводчик сообщает, перед чем именно он отступил; однако важен общий принцип: нет в тексте отдельной «формы», более или менее несущественной, и «содержания», единственно для нас интересного; риторическая форма текста — историческое сообщение такой же важности, как излагаемые в нем «война и мир, управа государей, угодников святые чудеса», и отбрасывать ее значит обманывать и себя, и читателя. Рецензируемый перевод — очень хороший перевод, точный, литературный, основанный на глубоком знании исторического материала, поэтому от него хочется получить больше, чем он намерен дать.

Несколько примеров того, что с риторическими красотами «Золотой легенды» происходит в переводе.

Глава 1: «Поэтому мы нуждаемся в лекаре, искупителе, освободителе, вожде, просветителе и спасителе» (с. 31). В оригинале: *Ideoque indigemus doctore, redemptore, liberatore, eductore, illuminatore et salvatore*. Во-первых, дальнейший текст, в котором разъясняются все шесть характеристик, дает понять, что *doctor* — это учитель, а никак не лекарь⁷, а во-вторых — нетрудно было подобрать эквиваленты так, чтобы сохранить гомеотелевтон: «в учителе, искупителе, освободителе, водителе⁸, просветителе и спасителе».

Обращение апостола Андрея к кресту (глава 2): *Salve crux, quae in corpora Christi dedicata es et ex membris ejus tanquam margaritis ornata;*

6. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 155.

7. «Поскольку мы не знали, то нуждались в научении» (*ab ipso doceri indigebamus*) и т. д.

8. *Eductor* далее объясняется как тот, благодаря кому мы можем быть выведены из уз греха, *ab omnibus peccati vinculis educi*.

та же конструкция с нарастающей длиной колонов и рифмующимися причастиями в финале: *diu desiderata, sollicite amata, sine intermissione quaesita, aliquando concupiscenti animo praeparata*. В переводе (с. 46) ни гомеотелевтон, ни даже параллелизм не сохранен: «Здравствуй, Крест, освященный Телом Христовым и украшенный членами его, словно жемчугом» и т. д.

В главе 3 святой Николай говорит разбойникам: *Cur tam dire pro vobis flagellatus sum? cur tam crudeliter verberatus? cur tormenta tot passus? Ecce quomodo corpus meum livet! Ecce qualiter effusione sanguinis rubet!* В переводе (с. 57) не только параллелизм с его фонетическими украшениями, но даже невинная анафора для чего-то устранена: «Отчего меня так жестоко избили за вашу вину? Почему так сурово высекли? За что я претерпел столь великие мучения? Поглядите, мое тело покрыто синяками! Взгляните, как оно обагрено кровью!».

В главе 72 в цитате из Псевдо-Августина десятичастный изоколон — *infirmus in ligno, fortis in spolio, vilis in corpusculo, armatus in proelio, foedus in morte, pulcher in resurrectione, candidus ex virgine, rubicundus in cruce, fuscus in opprobrio, clarus in coelo* — лишился всех примет параллелизма: «...слабеющий на крестном древе, но могучий, собирая добычу, немощный телом, но готовый к битве, презренный в смерти, но прекрасный в Воскресении, рожденный чистым от Девы, но обогранный кровью на Кресте, омраченный поношением, но сияющий на небе» (с. 419).

Повторюсь, если это принципиальная позиция переводчиков, а не просто желание упростить себе задачу, с ней трудно согласиться. В итоге о риторическом убранстве «Золотой легенды» читатель не узнает ни из вступительной статьи (характерным образом этому аспекту книги посвящено только примечание, в котором переводчики сообщают, почему они не намерены этого передавать), ни из перевода,

ни из примечаний, в которых сообщалось бы: «Здесь в оригинале то-то и то-то». Дело поправила бы специальная статья, посвященная стилистике книги: хотелось бы увидеть такую статью во втором томе.

Это, однако, мелочи сравнительно с высокими достоинствами целого. У нас есть все основания поздравить себя с этим приобретением и пожелать переводчикам счастливого завершения трудов.

Шмараков Роман Львович

Доктор филологических наук, доцент кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
rshmarakov@hse.ru

Roman Shmarakov

Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Comparative Literature and Linguistics, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg Campus)
